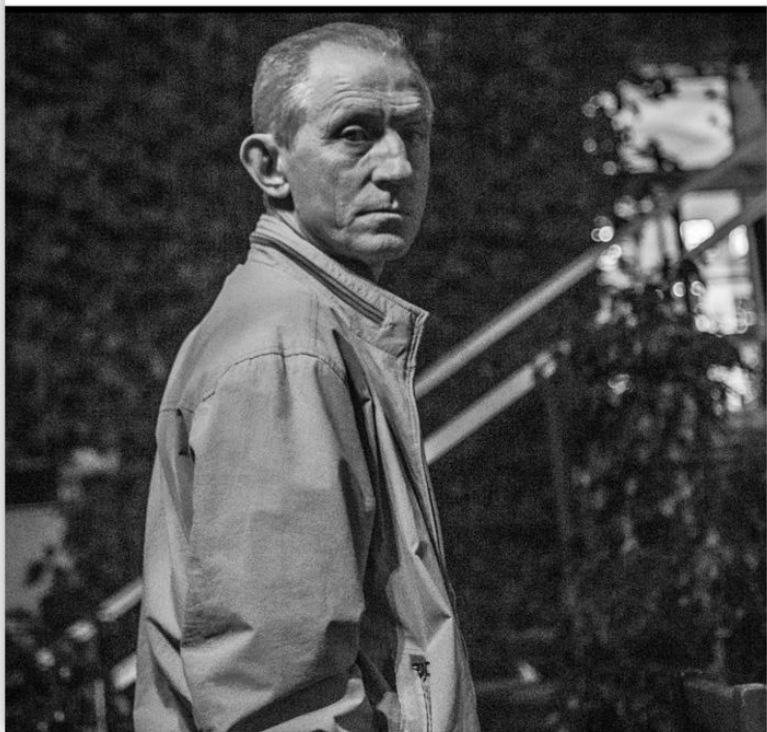

18+
АНДРЕЙ КОРОЛЬКОВ

Несколько страниц

Андрей Корольков

Несколько страниц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19206827

ISBN 9785447495633

Аннотация

«В стихотворениях Андрея Королькова чувствуешь внутреннюю силу духа. Иносказательный перевод – с происходящего в наблевшее и обратно. Он выплёскивает боль через стиль. Тоска, тоска об уходящем – и сразу всплеск. Желание срастись с природой, как с последней опорой. Потерять последнюю опору страшно. У него природа – единственное, что сотворено и на что он надеется опереться в нашей виртуальной жизни». Елена Черникова, «Поэты настоящего времени»

Содержание

Деревянный рай	7
«Старая, пожившая деревня...»	10
«В тени высокого обрыва...»	11
«А в углу этом тёмном могли бы стоять образа...»	12
«Молча курим. Угасает день...»	13
«Поскольку ночь, окно открыто в сад...»	14
«Если дождь, я на эту дорогу смотрю из окна...»	15
«Две недели я валяю ваньку...»	16
«На высоком речном берегу прозябает село...»	17
«И ленива и не широка...»	18
«Вне зависимости от пола или в каких годах...»	19
«Как нормальные мужики ...»	21
«Если солнце стоит высоко, то тени...»	22
«Последняя капля, сорвавшаяся с края крыши...»	23
Круги на воде	24
«Он и в Африке – слон...»	27
Покров	29
«Потеплело, и щепочка лезет на щепку...»	31

«Почему-то на ранней заре выгоняют коров...»	33
«О, дорога от дома к метро по утрам...»	35
«Горбатый мостик. Обводной канал...»	36
Питер	38
«Улица имени Первого Мая...»	40
«Я живу на отнюдь не Садовом кольце...»	42
«Я кругами хожу. Я лечусь наложением рук...»	44
«На простом языке слесарей по ремонту а/ эм...»	46
«Это место – какой-нибудь северный порт...»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Несколько страниц

Андрей Корольков

Иллюстратор Дарья Обросова

Фотограф Сергей Немов

© Андрей Корольков, 2021

© Дарья Обросова, иллюстрации, 2021

© Сергей Немов, фотографии, 2021

ISBN 978-5-4474-9563-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

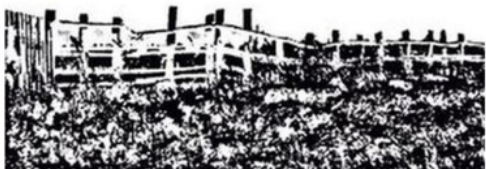
Не дёргайся. Всё будет хорошо.
Кто начинал, тот и поставит точку.
Когда тебя стирают в порошок,
как все нормальные, переживаешь шок,
но ты теряешь только оболочку,
так хряпни за неё на посошок;

и слава Богу, ежели пуста,
а не пуста, опять же – слава Богу.
Пусть отправляется. Не говорю, в дорогу:

гроша не дам за эту недотрогу —
сплошные уязвимые места;
и первый встречный без ножа зарежет,
и ссадины, фингалы, как с куста,
и непонятно, кто кого содержит.

2012

Деревянный рай

«Старая, пожившая деревня...»

Старая, пожившая деревня.
Вечера дымящийся покров.
Маются огромные деревья
возле заколоченных дворов.

Избы покосились, поредели,
взгляд окон по-старчески потух;
на молодок шпорится без дела
тощий инкубаторский петух.

Над рекой с названием некичливым
серебро ракитовой каймы.
Изредка на чибисово «чи вы?»
я кричу:
– Капустинские мы!

1975

«В тени высокого обрыва...»

В тени высокого обрыва,
как дирижабли невесомы,
проходят медленные рыбы
самоуверенно и сонно.

Тепло желтеющая глина,
ветвей недвижимые своды,
многозначительно и длинно
текут медлительные воды.

Река тепла и бесконечна:
тенистые деревья томно
глядятся в реку, будто вечно
не узнают или не помнят.

1984

«А в углу этом тёмном могли бы стоять образа...»

А в углу этом тёмном могли бы стоять образа с негасимой лампадой: она не соперница свету, просто память о нём или, если подумать, слеза. Но икон и лампады в углу, разумеется, нету.

В этом тёмном углу даже нет и, пардон, паука, ни ажурной его и тончайшей такой паутины... Паука с паутиною нет, надо думать, пока, потому что их там не хватает для полной картины.

2011

«Молча курим. Угасает день...»

Молча курим. Угасает день.
Вьются дыма сизые колечки.
Выползает вечер на крылечки
уютных деревень.

Цепенеет деревянный рай,
явно чуждый всяческого лиха.
Господи! Как хорошо и тихо:
ложись и помирай.

1985

«Поскольку ночь, окно открыто в сад...»

Поскольку ночь, окно открыто в сад.
Там дождь идёт. Нет, он уже – у цели.
Там золотые яблоки висят.
По крайней мере днём ещё висели.

Поскольку ночь, не видно ни шиша...
А то, что там, быть может, углядела
одна отдельно взятая душа,
в конечном счёте не меняет дела.

2009

«Если дождь, я на эту дорогу смотрю из окна...»

Если дождь, я на эту дорогу смотрю из окна,
на дорогу, идущую берегом странной реки:
глубина такова, что рукою достанешь до дна,
и везде перейдёшь даже не намочивши портки.

Про портки я шучу. И когда-нибудь я дошучусь.
И не до просторечий, а до настоящих забот,
до потери сознания и так называемых чувств.
Но, конечно, не завтра. Возможно, и не через год.

А сейчас – репетиция. Отрепетируем путь:
вот дорога, река (переправа, естественно, вброд,
никаких тебе лодок), а в небе какая-нибудь —
за рекою над лесом – звезда. Или наоборот,

над рекой. Но сейчас это просто вода,
и неважно, звезда путеводная там или тут.
Вот когда по дороге отправишься (ясно – куда),
то – не то что свернуть —
и споткнуться тебе не дадут.

«Две недели я валяю ваньку...»

Две недели я валяю ваньку,
забываю адреса и лица,
истопляю старенькую баньку,
но уже не пьётся и не спится.

Под горой, в каком-то буераке
я нашёл избитую подкову.
На горе насвистывают раки
еженощно. Проку – никакого.

От собак и огородных пугал
что ни день, я вздрагиваю реже.
Две недели обживаю угол,
больше – пятый, нежели медвежий.

1989

«На высоком речном берегу прозябает село...»

На высоком речном берегу прозябает село:
если, скажем, от нечего делать
на улицу выйдешь,
то не станет тебе, как тому чудаку, весело,
потому что гуляющих девок ты там не увидишь;
а увидишь тропинку, ведущую прямо к реке,
и пройдёшь по тропинке,
и встанешь на тёплые камни,
и почти что не целясь убьёшь комара на руке,
постоишь и зачем-то потрогаешь воду руками.
И по тёмной воде побегут золотые круги,
на высоких ногах по воде побегут водомеры...
Хорошо тебе тут – вот какие твои пироги.
И такие дела. Если только не символы веры.
Потому что тебя навсегда отпустили домой,
о туда, где, oprичь обветшало́го дома и сада,
комариного лета и белого снега зимой,
больше нет ничего. А уже ничего и не надо.

«И ленива и не широка...»

И ленива и не широка
(и почти что никак не зовут),
замерзает простая река:
очень холодно тут.

Тут, полого упав от окна,
стынет солнечный луч на полу,
и все вещи нанизаны на
ледяную иглу.

Вот пока на сто вёрст – ни души,
море времени, сколько ни трать,
и пока не забыл, запиши
в ледяную тетрадь,

что идёт, почему и куда,
что бежит себе дни напролёт.
А в реке – ледяная вода,
по окраинам – лёд...

«Вне зависимости от пола или в каких годах...»

Вне зависимости от пола или в каких годах,
записной ли псих, мухи ли не обидит, —
человек, смотрящий на воду, выглядит так,
будто думает, что его не видят.

Он не думает. Что, вообще говоря, позор.
Но и третий глаз, как и первые два, замылен,
и река уносит... как что? Да как тот же сор,
даже мелкую мысль,
заблудившуюся среди извилин.

Так учебник истории
листает привычная пятерня:
с упоением тем же, навязчивым или вящим,
водный поток завораживает нас всеми тремя
составляющими времени —
прошлым, будущим и настоящим.

Оттого и лицо в ладони упрятавший господин
там, где ивы к воде опрометчиво льнут и никнут,
у холодной реки засидевшийся до седин,
так беспомощно озирается, когда окликнут.

2010

«Как нормальные мужики ...»

Как нормальные мужики —
политикой или бабами,
я, с чего ни начну, сколь угодно издалека,
заканчиваю дождём, просёлком с его ухабами,
а на заднем плане – река,
о которой хотя и знаешь, куда течёт,
но течёт ли вообще, ни за что не уловишь глазом.
Тишина. И глухое «увы» – не в счёт,
потому что накрывшиеся медным тазом
планы на будущее посылают своё «увы»
из небытия. И с некоторого момента
странный запах
прихваченной заморозками травы
смешивается с дождём, тишиной и ещё с чем-то,
что лежит на сердце, да и на той же душе,
как на ветках и проводах изморозь или наледь,
от чего охотно избавился бы уже,
но чего не забыть и, тем более, не исправить.

2010

«Если солнце стоит высоко, то тени...»

Если солнце стоит высоко, то тени,
коротая время до заката дня,
прячутся в листве деревьев (и других растений),
а подует ветер – начинается беготня,
перепрятки, шум, мельтешение, но под вечер
тени вытягиваются, передразнивая дома,
и сливаются, как слова иноземной речи,
в нечто целое. Как тома
запылённых книг на забитых донельзя полках,
что не то что читать, но уже различать невмочь,
ибо, будучи из, вообще-то, не самых стойких,
устаю. А ещё: потому что ночь.

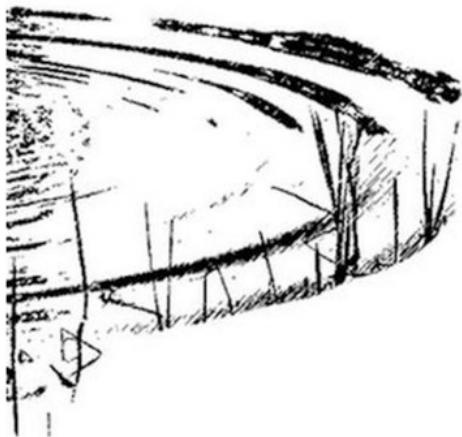
2010

«Последняя капля, сорвавшаяся с края крыши...»

Последняя капля, сорвавшаяся с края крыши,
падает на землю с хрестоматийным «кап»,
после чего становится намного тише,
чем было до этого. Как будто кляп
заделали и без того молчавшему человеку.
У такого молчания даже не спросишь: ну?
Чтобы отдых дать натруженным за день векам,
закрываешь глаза и погружаешься в тишину,
как в астральные дебри какой-нибудь лженауки,
как скупой – в подземелья – рыцарь,
а лучше – крот;
и уже не понять: тишину нарушают звуки
или – наоборот...

2010

Круги на воде

«Он и в Африке – слон...»

Он и в Африке – слон,
и, наверное, был на примете,
(разумеется, бивни), короче: уснёшь на посту —
непреренно убьют, и душа, белоснежная в свете,
не спеша отлетит и, клубясь, наберёт высоту;

и среди облаков, и – легка, устремится на север,
собирая незрелые звёзды во влажную горсть:
только там и тогда пожинаешь и то, что не сеял,
где луна тяжела и желта, как слононая кость.

И поэтому утром осенним, сырым и туманным
над равниною русской пойдут затяжные дожди...
Пошуруй хорошенько
по книгам, углам и карманам,
кое-что обрета, до сельпо до родного дойди.

Перестала давать (тьфу ты, Господи – в долг!)
продавщица младая
в том сельпо, куда ты
поспешаешь (опять же – селом),
волоча сапоги и по Фрейдю лениво гадая,
отчего тебе ночью, к примеру, привиделся слон?

А чего тут гадать? Уж и то хорошо, что не черти,

ведь известно, что ты никогда не гнушался вина.
Вот и выпей стакан. Закури. И подумай о смерти.
А не хочешь, не пей: просто так посиди у окна.

1994

Покров

Сегодня светлый праздник Покрова.
Я торопливо собираю вещи:
резной хомут и золотые клещи,
берет на плешь и руки – в рукава.

И вот – благоухающий подъезд,
а там сосед, хронически поддатый,
и на сакраментальное «куда ты?»:
– Куда? Туда! В пределы неких мест!

Где те же травы, те же деревья,
не благо иго и весомо бремя,
где точно так же истекает время
и где сегодня праздник Покрова;

где я, отнюдь не будучи здоров,
вполне причастный времени и праху,
почти сниму последнюю рубаху:
уже сегодня упадёт покров!

Ещё на мне никто не ставил крест
(хотя идея в воздухе витала),
но час назад меня уже не стало,
уже я там, в пределах неких мест,

где точно так же воют провода,
и точно тот святой и крепкий Боже...
Ребята – всё, решительно всё то же.
Но снег ещё не тронут. Ни следа.

1991

«Потеплело, и щепочка лезет на щепку...»

Потеплело, и щепочка лезет на щепку.
Вот из лужи прохожего обдало...
Я пойду в магазин и куплю себе кепку,
и она мне пойдёт, как корове седло.

Променяю все ваши на эту заботу,
на рассвете покину родительский кров:
как последний дурак, поплетусь на работу,
где баклуши я бью и седлаю коров.

А ведь, кажется, помню: какая-то лошадь
(боевая, наверно... Конечно, она!)
выносила меня на широкую площадь,
и – здорово, ребята!.. А там – тишина.

И с тех пор по дороге иду пригорюнясь,
вечерами домой, на работу – с утра,
всё по той, по которой прошла моя юность,
не скажу, что давно, но давно бы пора;

я киваю в ответ придорожному злаку,
я не знал и не знаю, не быть или быть,
я ещё не решил, покупать ли собаку:

не уверен, что я её буду любить.

1994

«Почему-то на ранней заре выгоняют коров...»

Почему-то на ранней заре выгоняют коров...

Вот выходим и мы с председателем

в чистое поле:

– Как дела, литератор?

– Спасибо. Конечно, здоров.

Я вчера отпустил свою душу на волю.

Как меня отпустили на волю марксизма тома,
отпустила красавица из параллельного класса,
как Его, наконец, отпустила крошечная тьма,
отступившая после девятого часа;

как метавшие жребий, пардон, воротили носы,
недовольны весьма (как одеждой)
лохмотьями теми,
или, скажем, как мы без конца переводим часы,
и нам голуую задницу кажет прошедшее время.

Дорогой председатель! Давай изопьём молока!
Совершенный обломок
совхозно-колхозного строя,
изопьём по одной за того племенного быка
и за красное солнце над тою зелёной горою!

Дорогой председатель, моя отлетела душа,
наливаются кровью неясные даты и числа,
но, представь, и сейчас за душою моею ни гроша:
только лёгкая тень
наконец обретённого смысла.

1990

«О, дорога от дома к метро по утрам...»

О, дорога от дома к метро по утрам,
и, естественно, наоборот – вечерами,
что едва ли подобна небесным дарам,
(как иконе – лицо в позолоченной раме):
на корявом асфальте скопление вод,
фонари – не того, и довольно опасно,
до беды и до слёз довела бы, да вот
а потом-то куда? Совершенно не ясно.
Потому что никто не глядит из окна,
ни со стен крепостных, ни с каких колоколен,
и, всего вероятней, не будет *кина*:
как ни странно, механик действительно болен;
а давно бы пора обратиться к врачу,
потому что не только дороги раскисли,
но привычная ноша невнятна плечу,
и всего интересней – дурацкие мысли.
А дорога пуста, будто песня без слов,
когда просто мычишь за гармонию унылой, —
ничего от себя, лишь основы основ:
что-то вроде «спаси, сохрани и помилуй»...

«Горбатый мостик. Обводной канал...»

Горбатый мостик. Обводной канал...

С чего-то злоба дня заговорила:
подкинула сравненье, что перила
горбатого моста черны, как нал.
А я совсем не разбираюсь в нале,
поскольку тёмен, как вода в канале,
отчасти лыс и нищ не по летам:
я даже в Турцию ни разу не летал,
не говоря о Лондоне, Париже.
Я много ездил. Но гораздо ближе.

Лишь в этих водах отражаюсь я
в придачу к облакам, растрёпанным, как вата.
Плывёт какой-то водоросли прядь:
не помню, что такое кисея,
но и смотреть на это страшновато.
Но то – смотреть, а ежели – нырять?

Ныряют утки. Правда, не с моста.
И для Москвы их тут довольно много.
А справа, слева, поверху – дорога,
и – бить начнут, не скажешь: красота!
Но вот гранит ступеней – что скрижаль,

над головой, почти что сразу, – небо.
А главное, я тут ни разу не был,
хотя сто раз, наверно, проезжал.

2010

Питер

Сказать, что всё не так?
Посетовать? Понять,
что вот опять сравнение – не в пользу?
Что даже нимфы в Летнем встали в позу,
чуть не порвав связующую нить:
– Ты кто такой?

Литейный стал прямой...
Я по нему иду седой, усталый,
и из-под закустившихся бровей
высматриваю то, чего не стало,
и по всему выходит, что – меня.
А город что ж? Ему плюс-минус тридцать —
плюс-минус ничего.

Петрова пятерня,
не то что б над, но – бывшею столицей
по-прежнему простёрта в никуда:
чуть выше – небо, понизу – вода,
в которой отражаются фасады.

Ограда упомянутого сада
блестит от сырости, сочащейся с небес,
и под рукою подаётся дверца
туда, где я бы мог оставить сердце...
И я оставил сердце. Но не здесь.

2012

«Улица имени Первого Мая...»

Улица имени Первого Мая...

Как ни тужилось время, а всё на местах,
и, наверное, та же Анюта хромая
собирает пустые бутылки в кустах.

Всё на месте, и крыть, разумеется, нечем:
будто та же галдит во дворе детвора,
даже если густой опускается вечер
в неподдельную темень и сумрак двора,

где и в жаркую пору жары не бывает,
и – в любую погоду – домашний уют;
мужики постепенно козла забивают
и поэтому к ночи едва ли забьют...

И всё так же, оставивши благоговейно
заскорузлый мизинец, лицо к облакам
поднимают покорные слуги портвейна,
осушая гранёный Анютин стакан.

Домино. Перезрелая вонь магазина.
Завывают качели: не смазан крепёж.
Время тянется, будто сырая резина,
и к рукам прилипает, и не отскребёшь.

Так и было. Но портит картину Анята,
никому не дававшая пить из горла,
ведь она, из чего ни была бы согнута, —
человек и, лет десять назад, померла.

1991

«Я живу на отнюдь не Садовом кольце...»

*«Какой город стоит на мягком месте?»
Детская загадка*

Я живу на отнюдь не Садовом кольце,
я французский язык изучаю;
нехорошие тени лежат на лице:
это я по Парижу скучаю.

Сохну так, что как жив до сих пор, не понять,
и хорошего в этом не вижу:
мне бы только на *евры* рубли обменять,
и я тут же рвану до Парижу.

К их каштанам от этих дурных тополей
и от лета, почившего в пухе.
Зажирею. И стану настолько белей,
что пиджак не сойдётся на брюхе.

И потянет француженок пообнимать...
Я за то – провалиться на месте —
зарекусь их парижскую Божию мать
поминать в неприличном контексте.

Ведь и русскому сердцу Париж как des ailes,
как – воистину – ложка к обеду...

Ах, зачем вы так нервны, мадемуазель!
Может, я вообще не приеду.

Я – легко может статься – погиб на посту
(entre pois: я стоял на защите).

Где-ни-то-как-нибудь присобачьте плиту
и чего-же-нибудь напишите:

мол, такой-то откинулся, ёж его медь,
но, увы, у себя во славянах,
так как рылом не вышел валюту иметь,
а равно и простых, деревянных;

неизвестно, умел ли он сеять и жать
или мыкался флагом на мачте,
но считал, что над Сеною лучше лежать:
веселее, а главное – мягче.

1991

«Я кругами хожу. Я лечусь наложением рук...»

Я кругами хожу. Я лечусь наложением рук.
Если мелочь – к слезам,
то к чему снятся *ихние* баксы?
Опишите мне время, и если получится круг,
не сочтите за труд,
перешлите картинку по факсу:
там семнадцать мои. Остальные – неведомо где...
– Подержите арбуз! —
И прохожий разводит руками.
Разведённые руки, как будто круги на воде,
над которыми синь, чуть подёрнутая облаками.
И прохожий идёт, разведёнными руки держа,
по московским кругам,
по садовым и литерным кольцам...
И спросить бы ещё, да ушёл он далёко *deja*.
Потому что француз.
У него и фамилия – Гольцман.
О московские кольца! Линючи на вас тополя!
А возьмись убирать,
так за те же семнадцать не свёз бы...
Опускается пух на зыбучие камни Кремля
и летит над рекою, где плавают красные звёзды.
Опишите мне время, пока я иду по кольцу,

или, как иногда говорят, окажите услугу,
ибо мне одному неизвестно, к какому концу
приближается время, бредя по такому же кругу.

1994

«На простом языке слесарей по ремонту а/эм...»

На простом языке слесарей по ремонту а/эм
о весне закричали грачи на высокой берёзе;
вот и я выползаю из дома (неважно зачем),
но, поднявши главу,
замираю в немыслимой позе,
потому что сугробы значительно выше колен,
да и солнце в глаза, и любое движение излишне.
Вон горят колокольни уездного города N,
а звонят ли к обедне,
отсюда, конечно, не слышно.
Да и видно-то плохо, поскольку сии города —
на три четверти пьяные слёзы
в гранёном стакане,
и когда электрички уходят незнамо куда,
остаются в округе всё те же грачи и цыгане.
Этот необитаемый остров почти что ничей.
Обитаем условно. И не исчисляема паства.
Только солнце и снег. Нецензурные речи грачей.
Ну, берёзы да избы.
А в общем, пустое пространство.

«Это место – какой- нибудь северный порт...»

Это место – какой-нибудь северный порт,
замечательный тем, что туда – прибывают
и что там даже злые собаки не лают,
потому что за всех отдувается норд;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.